

К.А.Бороздин

Лезгинское восстание в Кахетии в 1863 году

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
К11

К11 **К.А.Бороздин**
Лезгинское восстание в Кахетии в 1863 году / К.А.Бороздин – М.: Книга по Требованию, 2023. – 50 с.

ISBN 978-5-458-14961-7

(Из воспоминаний К.А. Бороздина). Оттиски из журнала "Русский вестник". Санкт-Петербург : типография товарищества "Общественная польза", 1890.

ISBN 978-5-458-14961-7

© Издание на русском языке, оформление
«УОУО Media», 2023
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2023

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

лисскай губернаторъ, и начальникъ сѣвернаго Дагестана и губернаторы Елизаветопольскій и Бакинскій. У каждаго изъ нихъ есть гутъ свой кусочекъ, и всякій изъ нихъ дѣйствуетъ по своему личному усмотрѣнію и хотя много разъ сказывалось неудобство такого административнаго дробленія; но мы за частую бываемъ консервативными тамъ именно, гдѣ это совсѣмъ не нужно.

Видъ на Алазанскую долину изъ Телава одинъ изъ прелестнѣйшихъ на Кавказѣ. Въ лѣтнее время, когда южная природа ярко блещетъ своею красотою, на него не нагладишься, онъ никогда не прискучиваетъ. Домъ, въ которомъ я жилъ въ шестидесятихъ годахъ, состоя въ должности телавскаго уѣзднаго начальника, помѣщался подъ такимъ угломъ, что съ широкой его террасы вся долина по направленію къ городу Нухѣ виднѣлась до тѣхъ поръ, пока даль не переходила въ туманъ. Противолежащіе Телаву колоссальные выступы Дагестанскаго хребта рельефно обозначали расположеніе населенныхъ мѣстностей, частію выходящихъ на долину, частію прячущихся за ними, и благодаря этому рельефу, съ террасы моей можно было съ точностью распознать, въ которомъ изъ заалазанскихъ селеній курится синей полоской дымокъ, блещетъ золотистая нива, или бѣлѣтся каменная церковь. Напротивъ самаго Телава въ селеніи Греми красовался величественный остовъ древняго храма, разрушеннаго въ XVII столѣтіи персіанами, налѣво отъ него шелъ крутой выступъ, у подножія котораго виднѣлось большое селеніе Шильды, за этимъ выступомъ скрывается еще большее селеніе Кварели, затѣмъ опять выступъ, за нимъ селеніе Гавазы, а рядомъ укрѣпленіе Сацхенисы. Отъ Телава эти два послѣдніе пункта отстояли по прямому направленію не менѣе какъ на пятьдесятъ верстъ, и тутъ была граница моего уѣзда. За нею шелъ уже Сѣверный Дагестанъ и входившій въ него Закатальскій округъ. Но и за этой пограничною чертой, въ ясный безоблачный день, долину можно было, правда, уже при помощи сильнаго бинокля, распознавать по дальнѣйшимъ на ней горнымъ выступамъ и указать безошибочно, гдѣ лежатъ Лагодехи, штабъ-квартира тифлискаго полка. Имѣя передъ собою постоянно такую грандіозную панораму, я чрезвычайно любилъ свою террасу, и всякій случайный на ней у меня гость изъ сѣвернаго далека приходилъ отъ нея въ восхищеніе. Въ числѣ такихъ гостей

вспоминаются мнѣ и мастера живописи—Горшильдъ, Лагоріо, Добровольскій, Кореневъ,—набрасывавшіе отсюда свои эскизы.

Начало шестидесятыхъ годовъ было благодатной порой для Кахетіи. Покоренный оружіемъ Дагестанъ замирился, Шамиль проживалъ съ 1859 года почетнымъ плѣнникомъ въ Калугѣ, и, послѣ непрерывной и вѣковой рѣзни съ лезгинами, грузины вкушали полные миръ и спокойствіе. Но мрачное прошлое не скоро сглаживается изъ памяти людей, его пережившихъ, и рассказы о немъ очевидцевъ были полны тогда еще жизненности.

Съ террасы моей указывали они мнѣ на мѣста, преимущественно служившія театромъ боевыхъ столкновеній съ горцами, опознаваться среди рельефа панорамы было легко, и мнѣ яснымъ становилось, при ихъ рассказѣ, какое значеніе тутъ имѣли лежація за снѣговою полосою гнѣзда лезгинскихъ обществъ: Дидо, Анцухъ, Капуча, Анкратль, выславшія изъ своихъ тущобъ по широкимъ ущельямъ—Артанскому, Гремскому, Кварельскому, Бежаніанскому многочисленныя шайки для грабежа, разбоя и разрушенія. Съ этими дикими элементами не могли имѣть мѣста никакіе компромиссы, и спасеніе отъ нихъ давала лишь наша лезгинская кордонная линія, протянутая у подошвы Дагестанскихъ горъ отъ Алванскаго поля до г. Нухи. Она состояла изъ значительнаго числа батальоновъ пѣхоты, артиллерійскихъ батарей, казачьихъ полковъ, мѣстныхъ милицій, и просуществовала двадцать пять лѣтъ въ качествѣ осаднаго аппарата, блокировавшаго со стороны Алазанской долины величайшую и неприступнѣйшую въ мірѣ твердыню—Дагестанъ. При совокупныхъ усиліяхъ этой линіи съ другими военными частями, облежавшими Дагестанъ съ другихъ сторонъ, онъ и сдался послѣ упорнѣйшаго сопротивленія.

Военныя дѣйствія начинались съ весны, и ихъ прекращала только зима, заваливая глубочайшимъ снѣгомъ всѣ выходы изъ горъ; но какъ только весеннее солнце давало опять проталины и по нимъ являлась возможность спускаться на долину, лезгины не заставляли себя ждать и появлялись во множествѣ отдѣльныхъ партій. Милиціи составляли передовую цѣпь кордона, онѣ первыми встрѣчали спускавшихся съ горъ хищниковъ, и если, несмотря на ихъ противодѣйствіе, тѣ все-таки добирались до подошвы горъ, регулярныя войска мѣшали имъ прорываться далѣе, а затѣмъ миновавшіе и эту преграду лезгины натыкались въ долину на поголовно вооруженныя селе-

нія, имѣвшія каждое свою боевую организацію. Чтобы населеніе не могло быть захвачено въ расплохъ, существовали сигналы. На самыхъ вершинахъ стояло нѣсколько башенъ—Андаразанская, Кодорская, Пахалиставская, Мухажская и др.—на нихъ караулы содержала грузинская пѣшая дружина и слѣдила за каждымъ шагомъ лезгинъ; какъ только замѣчалась спускавшаяся ихъ партія, тотчасъ же на башнѣ зажигались пуки соломы, имъ вторили казачьи вышки на долинѣ, и этимъ способомъ призывалось сельское населеніе и кордонная линія къ тревогѣ. Иллюминація эта повторялась чуть не изо дня въ день и отчетливо виднѣлась изъ Телава. И, несмотря на такую, прекрасно выработанную организацію обороны и постоянную, напряженную бдительность войскъ и населенія, хищникамъ нерѣдко удавалось наносить Кахетіи страшныя бѣдствія.

Набѣги ихъ сопровождались всегда рѣзней, доходившей до ужаснаго звѣрства. Лезгинъ глядѣлъ на грузина, какъ на поганого, нечистаго — гяура, уничтоженіе котораго считалъ за подвижничество, ведущее его прямо въ рай Магомета, а трупы убитыхъ враговъ подвергались имъ возмутительному поруганію. Въ плѣнъ брались только солдаты и маленькія дѣти, за первыхъ получался выкупъ, а послѣднихъ лезгины обрѣзывали, обращали въ исламъ, выращивали и восполняли ими убыль въ своихъ рядахъ. Щадили они изъ грузинъ только тѣхъ, которые извѣстны были своимъ достаткомъ; ихъ сажали на цѣпь, въ яму, и томили тамъ неволею, пока не получали большаго выкупа. Такъ протомился у нихъ нѣсколько лѣтъ князь Илья Дмитріевичъ Орбеліани, впоследствии извѣстный герой Крымской войны. Попался имъ однажды пріѣхавшій изъ Петербурга лейбъ-гусарскій поручикъ А* (нынѣ членъ Государственнаго Совѣта), и они продержали его съ полгода въ ямѣ, пока богатые его родители не внесли за него выкупъ, состоявшій изъ мѣшка золота, равнявшагося горской рубашкѣ, а за княгиню Чавчавадзе и Орбеліани съ дѣтьми Шамиль тогда только согласился взять 40 тыс. руб., когда вернули ему его сына. Но все это были исключенія, а большею частью грузинъ рѣзали безъ пощады и отсѣкали у нихъ кисти правой руки, которыми, какъ трофеями, украшали свои сакли. Тотъ же ужасный обычай практиковался и горнымъ грузинскимъ племенемъ — тушинами. У посѣдѣвшаго въ бояхъ героя ихъ,

знаменитаго Шете, на саклѣ насчитывалось, говорятъ, до 800 рукъ лезгинскихъ.

Лѣтомъ войска кордонной линіи дѣлали иногда наступленія въ горы для наказанія хищническихъ обществъ. Впереди экспедиціонной колонны шла обыкновенно грузинская дружина, отличавшаяся своей привычкой къ горнымъ тропинкамъ и кручамъ. Впрочемъ, эти лѣтнія экспедиціи были лишь палліативами; войска разрушали пустыне аулы, горцы всегда успѣвали уходить изъ нихъ заблаговременно и прятались въ неприступныхъ и имъ однимъ извѣстныхъ тущобахъ; угонялся только ихъ скотъ и брались въ плѣнъ случайно попадавшіеся въ наши руки пастухи, а иногда и дѣти. Тѣмъ все и ограничивалось. Наступало затѣмъ нѣкоторое затишье, горцамъ, вернувшимся въ свои разрушенныя аулы, требовалось время для починокъ, набѣги ихъ приостанавливались, но не надолго и прекратить ихъ совсѣмъ было этимъ способомъ невысказано.

Но, кромѣ этихъ горныхъ тущобъ Дагестана, безпощадно угнетавшихъ Кахетію, въ самой Алазанской долинѣ расположено было столь же враждебное грузинамъ населеніе Закатальскаго округа, состоящее тоже изъ лезгинъ, спустившихся сюда съ горъ два съ половиной вѣка тому назадъ и съ тѣхъ поръ здѣсь укоренившихся. Событіе это имѣло роковое значеніе не только для одной Кахетіи, но и для всего грузинскаго царства, и случилось въ 1617 году, когда въ Персіи царствовалъ знаменитый въ лѣтописяхъ Востока, Шахъ-Абасъ. Онъ давно добирался до Грузіи, переставшей платить дань еще при его предѣстникахъ. Собралъ огромныя полчища и войдя въ союзъ съ дагестанскими лезгинами, одновременно съ ними сдѣлалъ онъ нашествіе на Алазанскую долину, и до такой степени опустошилъ ее; что кахетинскій царь Теймуразъ долженъ былъ бѣжать изъ разрушенной столицы своей, Грими, и искать спасенія въ неприступныхъ горахъ Тушетіи. Отсюда послалъ онъ къ Московскому царю Михаилу Федоровичу посольство, прося его защиты. Значительная часть населенія Алазанской долины была уведена Шахъ-Абасомъ въ плѣнъ, а спустившіеся съ горъ по Мухахскому ущелью лезгины заняли лучшую часть долины и навсегда свили себѣ тутъ два гнѣзда — въ Джарахъ и Белоканяхъ. Съ тѣхъ поръ, среди искони христіанскаго населенія Кахетіи, внѣдрилось мусульманство и начало насильственное обращеніе его въ исламъ, а внутренніе раздоры царей кахетинскаго, карталинскаго и

имеретинскаго шли только лезгинамъ въ руку. Враждующіе между собою цари приглашали ихъ каждый, въ свою очередь, къ себѣ на подмогу, и такимъ образомъ отдавали имъ свою несчастную родину въ жертву. Это-то и повело къ окончательному разложенію грузинскаго царства.

Не вдаваясь въ подробности скорбной его исторіи и того, какъ мы спасли остатки единовѣрнаго намъ грузинскаго народа отъ полнаго исчезновенія, какъ джарскіе лезгины съ Омаръ-ханомъ аварскимъ во главѣ пытались препятствовать нашему водворенію въ Грузіи, какъ жестоко за то были наказаны генералами Лазаревымъ и Гуляковымъ, какъ затѣмъ, въ теченіе многихъ десятковъ лѣтъ приходилось намъ смирять ихъ, а въ 1830 году заложить въ землѣ ихъ и нашу крѣпость Закаталы, мы скажемъ одно только, что до 1859 года, т. е. до покоренія Дагестана, джарскіе лезгины постоянно служили и „нашимъ и вашимъ“, передъ нами наружно смирялись, усердствуя въ то же время Шамилю, и натравляли дидойцевъ, капучинцевъ и другихъ грущобниковъ дагестанскихъ на Кахетію.

И вотъ послѣ всѣхъ ужасовъ, слышанныхъ мною отъ очевидцевъ, за покореніемъ Дагестана все тутъ замирилось. Горцы спустились на долину, между ними и грузинами завязались тѣсныя, обоудно выгодныя, хозяйственныя и промышленныя сношенія, тому же послѣдовали и лезгины Закатальскаго округа, и Кахетія въ началѣ шестидесятыхъ годовъ стала похожа на страну, возрождающуюся къ новой жизни послѣ потухшаго въ ней наконецъ вулкана, искони угнетавшаго ея благосостояніе. Моментъ этотъ былъ въ высшей степени интересенъ. Всѣ знали, что вулканъ создавало здѣсь острое проявленіе мусульманскаго религіознаго фанатизма, угнетавшее въ теченіе четверти вѣка, какъ многочисленныя горскія племена, имъ охваченныя, такъ и сосѣднее съ нимъ грузинское, живущее въ долинѣ, а когда вдругъ все стихло, невольно рождался вопросъ: навсегда ли потухъ здѣсь этотъ вулканъ, или таящіяся въ немъ разрушительныя силы проявятъ себя еще въ будущемъ?—Отвѣтъ на него, конечно, могла дать только сама жизнь.—Оружіемъ заставили мы смириться горцевъ, имъ только затушили вулканъ, и затѣмъ намъ предлежала задача упрочить этотъ, дорогою цѣною обошедшійся намъ, результатъ такимъ управленіемъ, которое устранило бы всякіе вулканическіе рецидивы.

Объ эту-то именно пору намъ лично и привелось прове-

сти почти четыре года въ Кахетіи, быть въ ней земскимъ дѣятелемъ, а потому чтобы показать, насколько правительственная программа соотвѣтствовала мѣстнымъ условіямъ и потребностямъ этого края, мы сочли не лишнимъ интереса, сдѣлавъ очеркъ состава и характера населенія, рассказать и все происходившее тутъ на нашихъ глазахъ, за этотъ періодъ времени.

ГЛАВА II.

Подготовка къ крестьянской реформѣ въ Закавказьи, начатая кн. Барятинскимъ. Отъѣздъ его за границу. Экономическій бытъ кахетинскаго дворянства. Цинандалъ его, владѣлецъ кн. Давидъ Чавчавадзе. Характеристика средняго дворянства.

Назначенъ былъ я на должность Телавскаго уѣзднаго начальника въ 1861 году, по указанію самого намѣстника, князя А. И. Барятинскаго, лично меня знавшаго. За нѣсколько мѣсяцевъ передъ тѣмъ, совершилась во внутреннихъ губерніяхъ великая реформа освобожденія крестьянъ, и Тифлисская губернія стояла въ Закавказьи на первой къ ней очереди. Князь Барятинскій всецѣло отдался заботамъ о наилучшемъ устройствѣ этого дѣла, составилъ общій его планъ и готовился приступить къ его осуществленію; какъ тяжкая и продолжительная болѣзнь заставила князя уѣхать лѣчиться за границу. И не менѣе того, живя въ Дрезденѣ, онъ и оттуда слѣдилъ за ходомъ этого дѣла и поручилъ его личному руководству начальника Главнаго Управленія, своему старинному другу А. Ф. Крузенштерну.

Населеніе Телавскаго уѣзда, доходившее до 45.000 душъ, состояло изъ помѣщиковъ, князей и дворянъ съ ихъ подвластными крестьянами и крестьянъ казенныхъ и церковныхъ. Въ общемъ дворянство было мелкопомѣстнымъ, имѣнія его оставались преимущественно въ нераздѣльномъ владѣніи цѣлыхъ фамилій, и хозяйство держалось главнымъ образомъ на винодѣліи. Крестьяне обязаны были платить господамъ извѣстную часть урожая съ вина, хлѣба и отбывать издѣльную повинность, которая и давала возможность помѣщикамъ обрабатывать свои сады и поля. По большей части этихъ рукъ не доставало помѣ-

щикамъ, и они находили ихъ среди значительнаго контингента имеретинъ и мингрельцевъ, постоянно идущихъ въ Кахетію на заработки, такъ что вольнонаемный трудъ давно уже получилъ здѣсь примѣненіе. Виноградный садъ—доходная статья хозяйства; десятина виноградника даетъ отъ 200 до 1000 р. доходу, но развести садъ, ухаживать за нимъ и поддерживать въ надлежащей исправности—дѣло нелегкое; владѣлецъ сада въ 10 десятинъ считался уже здѣсь хорошимъ хозяиномъ. При такихъ условіяхъ помѣщичьяго хозяйства, требовавшихъ не малыхъ усилій, общій строй отношеній господъ къ ихъ крестьянамъ былъ, за немногими исключеніями, удовлетворителенъ.

Внуки и правнуки тѣхъ грузинъ, которыхъ мы застали въ 1801 году, дворяне, значительно опередили своихъ предковъ, какъ въ нравственномъ, такъ и въ матерьяльномъ отношеніи, и за шестьдесятъ лѣтъ слитія своей родины съ Россіей, выработали себѣ много уже прекрасныхъ традицій. Кромѣ такихъ знаменитыхъ людей, какъ князья Циціановъ и Багратіонъ, фамиліи Эристовыхъ, Орбеліановыхъ, Чавчавадзевыхъ и друг., дали намъ не мало выдающихся дѣятелей на военномъ и гражданскомъ поприщахъ, все это подняло духъ мѣстнаго дворянства, а князь Воронцовъ за девятилѣтнее свое намѣстничество сумѣлъ еще болѣе подвинуть его къ лучшему. Въ Телавскомъ уѣздѣ жили по правую сторону Алазани фамиліи князей Эристовыхъ, Макаевыхъ, Корчибашевыхъ, Тусіевыхъ, Вахваховыхъ, Кабуловыхъ, Чавчавадзевыхъ, Джандіеровыхъ, дворянъ Мгалобеловыхъ, Андрониковыхъ, Мегвинетхуцесовыхъ; по лѣвую сторону—князья Караловы, Джорджадзевы, Гургенидзеы, Чавчавадзеы. Все это были многочисленныя фамиліи, владѣвшія довольно значительнымъ числомъ дымовъ крѣпостныхъ. Издавна тревожное положеніе ихъ родины привлекало ихъ исключительно къ военной службѣ, если не въ строю, то въ милиціи, и въ Телавскомъ уѣздѣ, послѣ его замиренія, жило нѣсколько заслуженныхъ отставныхъ генераловъ. Всѣ дворяне безъ исключенія говорили по-русски свободно, большая часть изъ нихъ училась въ корпусахъ и въ гимназіяхъ, и, попадая въ кружокъ кахетинскихъ помѣщиковъ, всякій русскій чувствовалъ себя дома.

Но военное ремесло вообще не совсѣмъ улаживается и соединяется съ способностію вести въ строгомъ порядкѣ свое хозяйство, оно дѣлаетъ человѣка скорѣе безопаснымъ къ мате-

рьяльнымъ интересамъ и съ этой стороны кахетинцы, по своей широкой натурѣ и традиціонному гостепріимству, порядочно хромали. Мало кто изъ нихъ берегъ свое добро, большая часть готова была со всякимъ хорошимъ пріятелемъ подѣлиться своей рубашкой, потомъ же и любили они свои пиры, на которыхъ выпивалось неимовѣрное количество непокупнаго превосходнаго вина. Частые съѣзды по случаю семейныхъ праздниковъ, веселая бесѣда, танцы молодежи, чунгури, дайра, зурна, сазандаръ, — всѣмъ этимъ наполнялось ихъ досужество и вошло въ привычку со временъ недавней еще непрерывной тревоги, когда никто не зналъ, что его ожидаетъ завтра. Миновала эта полоса, и наступила новая, мирная, въ которой вопросъ о хозяйствѣ выступилъ на первую очередь, и нельзя не сознаться, что мало подготовленные къ нему кахетинцы очутились въ положеніи новичковъ, ни къ чему еще не приоровившихся. Пришлось имъ привыкать къ аккуратности, заводить порядки, считать, прятать и беречь деньги, все это не клеилось, оказывалось сухимъ, скучнымъ послѣ блестящаго, широкаго прошлаго и мало кому давалось.

Положеніе такихъ новичковъ-хозяевъ являлось подчасъ трагикомическимъ. Мнѣ свѣжо припоминается среди нихъ одинъ въ высшей степени симпатичный человѣкъ, уѣздный предводитель дворянства, князь Сосо (Іосифъ) Джорджадзе. Одна фізіономія его была ужъ прелестна. Глубокій шрамъ отъ удара лезгинскаго кинжала наискось всего лба краснорѣчиво говорилъ, что Сосо не привыкъ показывать спины непріятелю; темнокаріе, полные ума, доброты и простосердечія, глаза убѣждали всякаго, что на языкѣ этого человѣка лжи не бываетъ, а смѣлая, воинственная осанка и длинные, съ просѣдью, усы дѣлали изъ него красавца. Дворянство не ошиблось, выбравъ его своимъ представителемъ: онъ умно, складно, энергично отстаивалъ какъ интересы его, такъ и своей родины; но у себя въ хозяйствѣ былъ совершеннымъ младенцемъ. По этой части шли про него самые забавные рассказы. Мужики, пользуясь его добродушіемъ, постоянно его надували, ярмяне обсчитывали, сосѣди-пріятели обыгрывали въ карты, къ которымъ у него была страстишка, и благодаря всему этому концы съ концами у него никогда не сводились. Затѣялъ онъ какъ-то перестроивать свой домъ, имѣвшій видъ крѣпости съ двумя башнями, какъ всѣ тогдашніе заалазанскіе дома помѣщиковъ, архитектора не приглашалъ, считая себя самого искуснымъ

водчимъ, и когда второй этажъ подходилъ уже къ карнизу, потолокъ рухнулъ, и вся храмина рассыпалась, какъ карточный домикъ. Къ счастью, самъ онъ съ людьми успѣлъ изъ нея выскочить; но одного рабочаго все-таки немного помяло. О происшествіи узнали сосѣди, пришли навѣстить, очень всѣ смѣялись, кто-то между тѣмъ заложилъ штось, и Сосо проигрался съ горя до копѣйки. Потомъ уже общими силами помогли ему справиться съ этой храминой.

Другимъ еще болѣе интереснымъ типомъ неудачника въ хозяйствѣ былъ здѣсь князь Соломонъ Гургенидзе. Когда-то очень зажиточный помѣщикъ и труженикъ, развелъ онъ виноградный садъ на тридцати десятинахъ, самый большой изъ существовавшихъ тогда въ Кахетіи, и разорился спеціально на придумываніи улучшенныхъ способовъ хозяйства и разныхъ изобрѣтеніяхъ, въ видахъ общественной пользы. Я засталъ его уже совсѣмъ бѣднякомъ, жившимъ на хлѣбахъ у своей племянницы; но онъ все-таки не унывалъ, постоянно изобрѣталъ что-нибудь новое, и ни одинъ дворянскій сѣздъ или приемъ какого-нибудь важнаго лица не обходился безъ того, чтобы Соломонъ не говорилъ на нихъ своего застольнаго спича, непременно на тему съ улучшенныхъ способахъ хозяйства. Спичи эти въ своемъ родѣ были неподобны. Говорилъ онъ ихъ съ одушевленіемъ, апломбомъ, подпускалъ лесть кому слѣдовало и чрезвычайно любилъ дѣлать въ нихъ ссылки на Св. Писаніе и поэму Шота Руставели „Барсову Шкуру“, которую зналъ чуть не наизусть. Въ переводѣ на русскій языкъ, (а Соломонъ имъ владѣлъ съ грѣхомъ пополамъ), эти цитаты особенно выходили курьезными. Когда князь Барятинскій побѣдоносно возвращался съ Гуниба въ Тифлисъ, чрезъ Кахетію, Гургенидзе устроилъ на его пути что-то въ родѣ заставы изъ выставки своихъ сельскихъ произведеній и изобрѣтеній, остановилъ его и сказалъ ему слово, въ которомъ уподобилъ князя Кесарю, возвращавшемуся въ Римъ изъ похода въ Германію, и призывалъ его къ покровительству мѣстной производительности. Князь Барятинскій зналъ его уже давно и съ благосклонной улыбкой благодарилъ за искренность этой манифестаціи.

Главная бѣда кахетинцевъ состояла въ общемъ безденежьи. Все у нихъ было: и вино, и хлѣбъ, и птица, и барашки, и сыръ, да не было *пули* (денегъ), а безъ нихъ въ хозяйствѣ ничего не подѣлаешь, и поневолѣ приходилось обращаться за

ними къ телавскимъ армянамъ—Маркаровымъ, Татузовымъ, Сапаровымъ и другимъ, подобнымъ имъ, благодѣтелямъ. У нихъ деньги всегда готовы, но они ихъ крѣпко, крѣпко держатъ и вынимаютъ изъ своихъ мѣшковъ только на такихъ условіяхъ, отъ которыхъ никому не повдоровится. У нихъ есть свой принципъ, который высказываетъ по-русски армянскимъ жаргономъ, въ популярнѣйшей грузинской комедіи „Раздѣлъ“ кн. Г. Эристова, — армянинъ Микиртумъ Гаспаровичъ:

„Кто на свѣтѣ честна будить
Ходить будетъ хлѣба гудить“.

Иначе сказать „честный человѣкъ будетъ всегда ходить съ сумой“. (*Гуда* по-грузински *сума*, откуда на языкѣ Микиртума Гаспаровича производное *гудить*). Армяне же не желаютъ знаться съ сумой, а потому безъ зазрѣнія совѣсти эксплуатируютъ грузина, да еще иронически о немъ отзываются: „хароши человѣкъ, только башка іохъ“ (т. е. глупъ). Ну, а все-таки кахетинцу не къ кому было обратиться, какъ къ благодѣтелю армянкѣ, и онъ шелъ къ нему на свое закланіе.

Князь Воронцовъ, съ цѣлью помочь хозяйству дворянъ дешевымъ кредитомъ, учредилъ въ Тифлисѣ Приказъ Общественнаго Призрѣнія, начавшій выдавать ссуды подъ залогъ имѣній; но эта мѣра оказалась лишь палліативомъ: деньги ушли у заемщиковъ преимущественно на удовольствія, наряды, комфортъ, и армянскій кредитъ опять всплылъ наружу, при худшихъ еще условіяхъ. Благодѣтели стали брать немилосердные проценты, взыскивать ихъ съ беспощадною настойчивостью, это мѣшало помѣщикамъ вносить своевременно проценты въ Приказъ, дѣла ихъ совсѣмъ запутались, имѣнія начали продаваться съ молотка и попадать въ руки тѣхъ же благодѣтелей. Таково было неутѣшительное экономическое положеніе большей части и кахетинскихъ помѣщиковъ, очень симпатичныхъ по своему характеру.

Самымъ крупнымъ изъ нихъ, по своимъ обширнымъ имѣніямъ, былъ владѣлецъ Цинандала, полковникъ флигель-адъютантъ, князь Давидъ Александровичъ Чавчавадзе, внукъ знаменитаго Герсевана, бывшаго посломъ царей грузинскихъ Ираклія II и Георгія XII, при дворахъ Екатерины, Павла и Александра I.

Герсеванъ былъ первымъ губернскимъ предводителемъ Закавказскаго дворянства и, какъ самостоятельный дѣятель въ